

Гладко выбритый человек с высоким лбом и узкими плотно сжатыми губами. Взгляд внимательный, сухой и недружелюбный. Строго застегнутый сюртук, аккуратно повязанный галстук... Это изображение могло бы стать символом человека сдержанного, закрытого и навсегда запретившего себе какое бы то ни было внешнее проявление чувств, ибо они только мешают делу, заставляя расходовать мысли и время на пустяки. Тем не менее однажды... Постоянно сжимаемая пружина не может слишком долго сохранять свое положение: ее потенциальная энергия переходит в кинетическую; пружина расправляется; и тогда на какое-то время могут меняться облик человека и его манеры.

Когда тайна исчезла...

В детстве философа Огюста Конта, как и любого ребенка, занимала радуга, и он спрашивал у матери о ее происхождении. И матушка рассказывала ему о мнемоническом приеме Бога, напоминавшем при помощи радуги и себе, и людям о том, что Всемирный Потоп более не повторится. В христианстве радуга была символом прощения человечества и его надежд на будущее: «И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти».

А потом он узнал о древнегреческой богине Ириде, сестре гарпий, матери Эроса, вестнице богов. Позже он прочитал и о других мифологических трактовках радуги: в скандинавской мифологии она – мост Биврёст, соединяющий Мидгард, мир людей и Асгард, мир богов; в древнеиндийской мифологии – лук бога громов и молний Индры; у славян радуга, уподобляясь змею, пьет воду из озер, рек и морей, которая затем проливается дождем. Ирландские лепреконы прячут золото в тех местах, где радуга прикоснулась к земле (тот же мотив встречается в верованиях многих африканских племен). И еще много сказок и загадок о радуге прочитал он, и каждая из них была прекрасно-загадочной, обещая не только тайну, но и надежду.

А потом он узнал, что радуга – не что иное, как тривиальное «оптическое явление в атмосфере». Тайна исчезла, красота была безжалостно препарирована научной методологией и уничтожена терминологией; функция божественного посредника была утрачена радугой для Конта навсегда. Радуга перестала быть гарантией дальнейшего бытия на планете. Чудо и загадка развеялись, давая Конту повод сопоставить объективные научные знания с «вредными» умозрительными построениями – в духе современной ему натурфилософии – касающимися объектов и процессов. Посчитав, что философия перегружена и без того совершенно излишней в ее гносеологическом аппарате метафизикой, Конт задумался о необходимости освобождения науки от умозрительных спекуляций, под которыми понимал, в том числе и дедуктивные построения. Он заявил: «Наука – сама себе философия». И такая философия должна была стать сферой исключительно конкретно-научного знания, не отличающегося от других наук по своей методологии.

Огюст Конт придумал позитивизм, философское учение, определяющее эмпирику как единственный источник истинного знания и отрицающее познавательную ценность любого философского поиска, не опирающегося на опыт.

Позитивизм концептуально оформился к середине XIX века. Эта философия оказалась для наступившей эпохи научных открытий важной и своевременной. Конт считал, что подлинное (позитивное) знание дает только наука, и эффективность познания мира зависит от меры рациональности этого познания. Метафизика, мистика, миф должны быть из науки навсегда устранены, уйдя в область беллетристики и фоль-

Болезни великих

Философия апостола Фомы

Родоначальник позитивизма Огюст Конт сам стал его жертвой

клора. Радуга, трактуемая как объективный оптический феномен, отныне не могла пребывать в статусе «моста между мирами». Более того, сама философия как наука, согласно концепции позитивистов, в принципе, является несостоятельной в силу своей метафизичности и трансцендентальности, не верифицируемыми эмпирикой. Научному познанию подлежат только и исключительно факты, а не сущности.

В позитивизме возобладал примат объекта и его целесообразности, личность человека лишалась самостоятельности. Не «почему работает?», а «как работает?» – вот что стало главным вопросом и приоритетом позитивистов: «Мы в состоянии познать в действительности только различные взаимные связи, присущие их течению, не проникая в тайну их происхождения», – говорил Конт. Актуальность постижения механизмов взаимодействия деталей заслонила важность понимания целостных смыслов. В результате этого «философия перестала рассматривать человека в природе и жизнь как она есть в реальной нерассеченной действительности, она предстала лишь как мир отношений, а не сущностей, как механизм причин и следствий» (С.Н.Булгаков). Объясняя позитивное единственной действительностью, учение Конта не отрицало существования непознаваемого, но не интересовалось им и не обращалось к нему, словно оно его не касалось. Радуга раз и навсегда была объяснена оптиками, перейдя из области мистики, мифологии и религии в сферу физики, отбросившей ставшую неуместной приставку «мета-»...

Суеверие прогресса

В распространении позитивизма большую роль сыграла рационально ориентированная индустриализация Европы. «Детерминизм в это время был в моде. Благословенный Закон Прогресса – «та разновидность улучшения, которое можно измерить при помощи статистических данных». Так утвердилось суеверие Прогресса. Чтобы стать популярной религией, суеверию нужно было только поработать философию», – заметил К.Г.Юнг. И новая философия не

замедлила появиться, быстро отеснив с интеллектуальной территории метафизику как лженауку.

Философия Конта устранила метафизику, отрицала трансцендентность, отвергая потенцию трансцендентальности, но знаменательно то, что на следующий год после смерти Конта, считавшего, что «мы никогда не узнаем химический состав звезд»; Г.Кирхгоф и Р.Бунзен установили:

каждый химический элемент обладает неповторимым линейным спектром, по которому можно судить и о составе вещества звезд. Спектр радуги преподнес сюрприз, снова раскинувшись между Мидгардом и Асгардом. Впрочем, в этом Асгарде не было богов.

Но если в философии нет места для метафизики, то предел познания так или иначе ограничивается: никто не пытается прорваться за горизонт и пройти под радугой или пролететь над ней. У установленного предела иссякают потенции той науки, которую легитимировал Конт. Копашась под мостом, соединяющим Мидгард и Асгард, ученые ограничили свой поиск радиусом радуги, хотя над ней простирается огромное неизведанное пространство, которое не слишком-то занимает эмпирическую науку.

Отрезав себе потенциальную возможность духовного полета, отрыва от действительности, Конт оказался перед сомнительной альтернативой: или гегельянская «дурная бесконечность», в которой объем знаний непрерывно растет – и неизвестно для чего (во имя чего – этические проблемы выпадали из позитивистской концепции); или не менее дурной тупик мира, расположенного под радугой и окончательно познанного во всех его проявлениях. Сведя роль философии к уровню внештатной подсобной рабочей в лаборатории инженера, позитивизм пришел к тупику эмпириокритицизма, ибо не вынул предупреждение В.Г.Лейбница: «Если эмпирики также могут иногда доходить до истинно всеобщих положений путем индукции, то это бывает случайно, а не в силу заключений».

Демоны безумия

Конт сжимал пружину своего мышления, изгоняя из философии всё то, что не относилось к объективно познаваемому миру. Но эта пружина, сжимаемая философом в течение его жизни, время от времени распрямлялась, и тогда его психику заполняли демоны безумия. Шизофренические приступы, протекавшие то с депрессивной, то с маниакальной симптоматикой, сопровождали философа в течение многих лет.

Первый эпизод психического расстройства, возникший остро – непосредственно во время лекции, которую Конт читал, случился у него, когда ему было 28 лет. Конт скоропалительно уехал из Парижа в Монморанси, где его попыталась разыскать жена; но он, находясь в состоянии возбуждения, сбросил ее в озеро, и она едва не утонула. Конт был госпитализирован в клинику Ж.Эскироля, где его лечили

кровопусканиями, холодным душем, слабительными средствами. Философ пребывал в состоянии выраженного психомоторного возбуждения, стремился покончить с собой, высказывал идеи величия (он подписывал свою корреспонденцию «Брут Бонапарт Конт») и преследования, был агрессивен и даже сумел ранить санитаря. По настоянию матери и жены Конт был выписан через 8 месяцев с

формулировкой «невыздоровевший». В домашних условиях его состояние в течение 2-3 месяцев улучшилось, но в апреле – через год после первого обострения – он снова совершил попытку суицида (пытался утопиться в Сене). Лишь к августу 1828 г. психиатры посчитали его окончательно поправившимся. (Что не стало окончательной истиной.)

Именно после психотического приступа Конт приступил к созданию капитального труда «Курс философии позитивизма». Творчество философа сопровождалось всплесками бурной активности, сочетавшимися с бессонницей, длившейся месяцами (что, впрочем, не мешало ему работать). Эти эпизоды сменялись приступами депрессии, которая тоже не становилась поводом для госпитализации.

Второй масштабный аффективный приступ произошел спустя 18 лет. Жена философа утверждала позднее, что в течение 12 последних лет жизни Конт был помешанным. О симптомах своего заболевания философ и сам сообщал в письме к Д.Миллю (1845): «Я должен уже отложить сообщение интереснейших подробностей о моей серьезной нервной болезни, вызванной, несомненно, тем, что я вновь принялся за философскую работу. Болезнь выражалась в упорных бессонницах, со сладкой, но сильной меланхолией и глубоким угнетением, соединенным с крайней слабостью. Я должен был прервать мои занятия на две недели и лежать».

Незадолго до смерти О.Конт объявил себя апостолом и священнослужителем материалистической религии, несмотря на то, что прежде постоянно неутомимо проповедовал уничтожение всякого духовенства. Наследственность психопатологии Огюста Конта имела яркое подтверждение: его мать, сестра и сын были психически больны. И здесь можно было бы ограничиться констатацией того, что законы Природы проявились в его судьбе трагично, но закономерно, детерминистично. Однако хорошо известно, что наследственность является важным, но отнюдь не предопределяющим фактором для манифестации психического расстройства. Поэтому небольшой зазор для версий всё же остается. И если попробовать заглянуть за радугу, можно выстроить не исключющую положений позитивизма, но дополняющую их гипотезу, которая, впрочем, едва ли может считаться вполне объективной, так как опирается не на эмпирику, а на дедукцию.

От эмпирики – к мистике

О.Конт оказался одной из первых жертв наступающей культуры тотального позитивистского инструментализма, воцарившейся на интеллектуальной территории планеты с середины XIX века. Основы для развития этой культуры философ сам же и заложил. Культура позитивистского инстру-

ментализма считает ценностями исключительно материальные вещи (объекты), видя стратегические смыслы лишь в том, что имеет статистические критерии. Люди в такой системе ценностей тоже могут быть трактованы в количественных параметрах, относясь при этом друг к другу, как к полезным или вредным объектам среди других объектов. Признаком и критерием качества жизни чело-

века становится не осмысленное бытие, а обладание некоторым количеством предметов (в том числе разнообразных льгот) – объектов, имеющих, в отличие от непреходящих ценностей, относительно краткое существование, а потому не обладающих вечностью смыслов и не дающих человеку вновь ощутить себя субъектом, персоной.

Возникший в результате социального кризиса ощущается не только на уровне общества, но и на уровне персональной ментальности: этический провал нельзя заполнить техническими усовершенствованиями и объектами, сколь многочисленными бы они ни были. Но именно этим путем, в большинстве своем, начиная с XIX века пошло общество, подменив качественную проблему смыслов и целей количественным ростом информационного потока, ведущим к увеличению энтропии социальной системы. И первотолчок этой тенденции дала философия позитивизма. «Вместо сознательного бытия – просто условие существования людей стало самоцелью», – подытожил К.Г.Юнг.

Огюст Конт слишком долго и тщательно ограничивал собственное мышление, изгоняя из его пределов то, что относилось к области мистики и религии, сражаясь с ними, как воинствующий атеист-большевик. Но в это же время его собственное учение постепенно обрело эмоциональный характер вероучения, окаменевая в догмах, отступление от которых он считал недопустимым. А там, где формируются догмы, недалеко и до энтропии...

Пружина расправилась, и этот процесс сопровождался взрывом, создавшим бесконечное и непостижимое пространство психоза, с которым Конт сопрякоснулся, оказавшись в итоге бессильным перед этой глубиной, не верифицируемой объективной эмпирикой: его персональный ментальный хаос был субъективен, а потому не подлежал позитивистской интерпретации. Не случайно содержание его психотических переживаний отозвалось именно религиозной тематикой, хотя и в позитивистском духе. Основатель своего учения, Конт назначил себя апостолом и кюре позитивизма: действие генерировало противодействие (с этим положением и позитивисты не поспорят), и эмпирика науки обернулась мистикой религии. Философ мог бы взять себе имя апостола Фомы. Но Фома, несмотря на научный склад ума, позже других апостолов пришел к тем же результатам, что и они. Его эмпирически ориентированный скепсис лишь отодвинул срок, не повлияв на результат.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент
Института ментального здоровья.

Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.